

Письмо къ читателямъ.

Выдающіеся люди всѣхъ временъ отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что одни являются только зрителями, только наблюдаютъ дѣйствительность, тогда какъ голосъ другихъ раздастся изнутри ихъ души, въ пережитой ими дѣйствительности, и поэтому голосъ ихъ проникаетъ въ душу человѣка.

Эмерсонъ.

Величіе Толстого состоитъ въ томъ, что для него идеалы заключены не въ матеріальной внѣшней жизни, а истекаютъ изъ человѣческой души.

Д-ръ Р. Штейнверъ.

Въ прошломъ письмѣ я обѣщаль своимъ читателямъ выяснитъ мое отношеніе, какъ теософа, къ дѣятельности Льва Николаевича Толстого. Но, чтобы это отношеніе стало ясно и имѣло корни въ дѣйствительности, необходимо опредѣлить переживаемую нами эпоху съ точки зрѣнія *науки духа*, какъ съ полнымъ основаніемъ можно назвать Теософію, которая имѣетъ дѣло съ невидимыми сторонами внѣшнихъ явленій. Съ этой точки зрѣнія, процессъ человѣческой эволюціи идетъ медленно, но неуклонно къ совершенствованію, къ богочеловѣчеству, и средствомъ для достиженія этой скрытой цѣли—лишь въ рѣдкія минуты предчувствуемой душой—служитъ постепенное раскрытіе сознанія. Весь историческій процессъ можно опредѣлить какъ постепенный переходъ человѣческаго сознанія съ низшихъ ступеней на высшія, какъ развитіе всѣхъ его многочисленныхъ граней, начиная отъ еле теплящагося сознанія первобытнаго человѣка и кончая богочеловѣческимъ сознаніемъ отдаленнаго будущаго, къ которому стремится человѣчество. Развитіе яснаго индивидуальнаго сознанія, доведеннаго до совершенства,—вотъ скрытый смыслъ всѣхъ человѣческихъ переживаній, всѣхъ жизненныхъ драмъ, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ народовъ. Сознаніе растетъ и развивается отъ столкновеній съ внѣшнимъ міромъ, отъ противодѣйствія, встрѣчаемаго нашимъ сознающимъ я въ мірѣ *внѣ* насъ.

Не будь этого міра и его явленій, не будь этого постоянного тренія между *я* и *не я*, не было бы ни дѣятельности, ни сознанія, слѣдовательно, не было бы и жизни. Но смыслъ и цѣль жизни не въ этомъ треніи, не въ этомъ противоборствѣ, не въ этой игрѣ всевозможныхъ силъ, которыя своими многообразными воздѣйствіями на наше сознаніе вызываютъ его ростъ и приводятъ въ дѣйствія его различныя свойства и способности. Если бы это было такъ, и вся эта „игра жизни“ была безцѣльнымъ калейдоскопомъ, вращающимся по мановенію слѣпой силы,—жизнь сознательнаго существа была бы по истинѣ страшной трагедіей, бессмысленной и жестокой. Но этого нѣтъ и не можетъ быть. Не можетъ быть уже потому, что въ каждой живой душѣ заложено стремленіе къ порядку, красотѣ и гармоніи, и это стремленіе даетъ полную увѣренность, что источникъ міровой жизни разуменъ и благъ, и что все ведетъ насъ къ великой цѣли, временно скрытой отъ насъ, но несомнѣнно стоящей всѣхъ тяжелыхъ испытаній, черезъ которыя проходятъ поколѣнія за поколѣніями на нашей землѣ.

Наука духа, которая съ виду какъ бы отрываетъ насъ отъ дѣйствительности, поднимая наше сознаніе въ міръ идей, на самомъ дѣлѣ одна только и можетъ приблизить насъ къ сути всѣхъ видимыхъ явленій. Историкъ, который интересуется одними внѣшними событіями, увидитъ въ историческомъ процессѣ только одно движеніе, но *почему* это движеніе происходитъ такъ, а не иначе, и куда оно ведетъ, этого ему не будетъ видно. Но если попробовать проникнуть въ исторію человѣчества съ тѣмъ, чтобы угадать, *куда* она насъ ведетъ, можно—даже изъ того ея отрывка, относительно котораго существуютъ историческіе документы,—схватить ея общій смыслъ.

Если окинуть однимъ общимъ взглядомъ всѣ прошедшія судьбы Арійской расы отъ самаго начала и до нашихъ дней,—передъ нами начнетъ раскрываться постепенная смѣна *различныхъ ступеней сознанія*, совершенно аналогичная со ступенями сознанія отдѣльнаго нормально развивающагося человѣка. Конечно, въ подробностяхъ, ступени эти сливаются, какъ сливается основная мелодія въ большомъ сложномъ оркестрѣ: запоминающій одни отдѣльные отрывки получить впечатлѣніе пестроты и сложности звуковъ, уловить же основную мысль композитора ему не удастся. То же и съ исторической симфоніей, если позволено такъ выразиться; уловить и понять ея основную мысль чрезвычайно важно; потому что только она и можетъ дать доказательство *единства*

всего человѣчества, того, что оно все, въ своемъ цѣломъ, живетъ и работаетъ для одной и той же цѣли, выполняетъ одинъ и тотъ же разумный планъ жизни. Важно никогда не забывать, что жизнь каждаго человѣка не „случайный даръ“, а участіе въ общемъ творествѣ, которое будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ лучше выполняется каждая частица этого творчества. Мы живемъ не только для себя, но и для всего міра, и важно, чтобы мы сознавали это.

Нужно только помнить, что на нашу короткую мѣрку личнаго отвѣта различныя ступени сознанія раскрываются на протяженіи огромныхъ историческихъ періодовъ, и что развитіе сложной человѣческой природы происходитъ постепенно, проявляются одна за другой лишь тѣ ея стороны, которыя стоятъ на очереди у большинства человѣчества. Порядокъ, въ которомъ онѣ раскрываются, соотвѣтствуетъ человѣческимъ возрастамъ, и это потому, что человѣчество представляетъ одно цѣлое и каждая человѣческая душа содержитъ въ себѣ всю его полноту въ зачаткѣ.

Но понимать „сознаніе“ слѣдуетъ при этомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, включая сюда и разсудокъ, и отвлеченный разумъ, и нравственное сознаніе, которое проявляется черезъ сердце, совѣсть и волю. Когда мы наблюдаемъ развитіе отдѣльнаго человѣка, мы знаемъ, что въ дѣтствѣ представленія его неопредѣленны, совѣсть говоритъ неясно, воля совсѣмъ еще не развита; что въ юношескомъ возрастѣ ярче всего расцвѣтаетъ критикующій разумъ и самоутвержденіе; въ зрѣломъ возрастѣ развивается нравственное сознаніе и воля, а подъ конецъ жизни,—если только она не прошла для человѣка даромъ,—весь опытъ обобщается, и человѣкъ проявляетъ терпимость и сочувствіе ко всему живому.

Тотъ же путь проходитъ и все человѣчество, и то, что мы называемъ его культурами, служитъ для проявленія стоящей на очереди ступени сознанія. Народы, въ которыхъ свойства этой новой ступени выражаются наиболѣе ясно, становятся во главѣ историческаго процесса и играютъ руководящую міровую роль.

Самая древняя культура Арійской расы отличалась характеромъ созерцательнымъ; высоко поднятое надъ земнымъ сознаніе было устремлено на „великое Цѣлое“, оно сливалось съ вселенной и Богомъ. Религіозныя идеи древнихъ Индусовъ сводились къ идеѣ *единства*, какъ высочайшаго закона вселенной. Ученія эти создавались Святыми (Rishis) Индіи и давались младенческому человѣчеству для руководства. Эту ступень широкаго космическаго сознанія можно съ полнымъ основаніемъ сравнить съ младенческимъ

періодомъ челоуѣчества, а двѣ послѣдующія культуры (др. Персидскую и др. Египетскую)—съ дѣтствомъ и ранней юностью. Вторая культура уже теряетъ первоначальное единство сознанія, въ немъ появляется дуализмъ, идея добра и зла, потребность побѣдить злое начало, необходимость бороться, дѣйствовать. На этой ступени сознаніе начинаетъ погружаться въ земное. Третья культура даетъ начало всѣмъ наукамъ древности, возникаетъ астрологія, алхимія, математика, механика. Всѣ три первыя культуры имѣютъ общія черты: подчиненіе духовному авторитету, единство науки и религіи, связь земного съ невидимыми мірами, отсутствіе самостоятельности, слабо развитая индивидуальность.

Звеномъ, соединяющимъ первыя ступени сознанія съ новой эрой, являются древніе Семиты, которые вносятъ въ міръ ясно выраженное *личное начало*. Слѣдующая ступень, которую можно назвать цвѣтущей молодостью челоуѣчества, блистательно выражена древними греколатинскими народностями. Это—эпоха могучаго искусства, когда вся свѣжесть и весь энтузіазмъ молодыхъ силъ челоуѣчества воплощается въ земномъ творествѣ. Греческій культъ красоты, титаническая борьба съ богами, въ которой выражается возникающее дерзновеніе личной воли, а позднѣе развитіе гражданскаго права у древнихъ Римлянъ, имѣвшее задачей огражденіе личности въ новыхъ условіяхъ государственной жизни,— все это поднимаетъ *личное начало*, подготавливая народы къ христіанской эрѣ. „Христось открылъ цѣнность каждой отдѣльной души челоуѣческой и никто уже не въ состояніи уничтожить значеніе этого открытія“. Эти слова Гарнака (*Wesen des Christentums*) прекрасно опредѣляютъ главный смыслъ наступившей христіанской культуры.

Ея задача, выполненная западно-европейскими народами,—перенести центръ тяжести на личность, на ея индивидуальное развитіе. Отъ широкаго, но неопредѣленнаго сознанія, обнимавшаго все „великое Цѣлое“, которымъ Арійскіе народы обладали на зарѣ своей жизни, сознаніе переходитъ—все болѣе суживаясь—къ ясности, къ острому анализу, къ точнымъ научнымъ методамъ, и главной его задачей становится проведеніе всего духовнаго богатства челоуѣчества черезъ матеріальную культуру. Все вниманіе европейскихъ народовъ обращается исключительно на одно земное, на технику, промышленность; наступаетъ вѣкъ машинъ; все духовное погружается глубоко въ физическое.

Геніи служатъ всегда проводниками тѣхъ идей, которыя стоятъ на очереди, они даютъ своей эпохѣ тотъ импульсъ, который нуженъ именно для даннаго времени.

Если объединить всю западно-европейскую дѣятельность послѣдняго вѣка въ нѣчто цѣлое, мы увидимъ, что всѣ передовые люди, дававшіе опредѣленный колоритъ своей эпохѣ, выполняли всѣ одну и ту же миссію: внѣдрить сознание челоуѣка въ чисто земное, оторвать его отъ невидимыхъ міровъ, воплотить отвлеченныя идеи въ возможно болѣе конкретные образы. Кантъ оформливаетъ разрывъ духа и разума, провозглашая что *суть вещей непознаваема*, и отводитъ ей область вѣры. Разрывъ науки и религіи, формы и жизни, земного и потусторонняго, совершается окончательно. Чѣловѣчество вступаетъ въ зрѣлый возрастъ. Какія же новыя задачи ожидаютъ его? Какова будетъ та новая ступень сознанія, на которую оно готовится перейти?

Только проникнувъ въ общій смыслъ историческаго процесса, можно понять и истинную задачу своей эпохи, и роль современныхъ народовъ, и можно вѣрно отвѣтить на поставленный вопросъ. Вся задача западно-европейской цивилизаціи направлялась къ тому, чтобы довести матеріальность сознанія и личное начало до полнаго своего выраженія, до внутренней необходимости поворота на восходящую линію, на которой личное должно развернуться въ „сверхличное“, какъ выразился д-ръ Штейнеръ въ одной изъ своихъ лекцій.

Въ настоящій моментъ западная культура дошла до своего апогея; дальше по тѣмъ же линіямъ идти уже некуда. Но этихъ словъ не слѣдуетъ понимать какъ порицаніе. Культура эта была необходима для челоуѣка, для перехода его на высшую ступень внутренней свободы и нравственнаго сознанія, и она въ совершенствѣ исполнила свою роль, развивъ аналитическій разумъ, утончивъ нервную систему, выработавъ самостоятельность, обогативъ жизнь челоуѣческую великими открытіями и важными завоеваніями въ области природы. Безъ этой подготовки движеніе челоуѣчества впередъ было бы невозможно, и безъ кипучаго разнообразія западно-европейской земной дѣятельности, безъ всѣхъ ея испытаній и потрясеній, мы еще не скоро достигли бы той зрѣлости духа, которая необходима для осуществленія высшихъ нормъ жизни. И все же, если прежнее направленіе западнаго творчества продлится далѣе, чѣмъ это необходимо для развитія, если будутъ попытки задержать движеніе жизни на прежнемъ уровнѣ, та же культура, которая такъ много послужила развитію, станетъ ея тормозомъ:

Челоуѣческая жизнь та же, что потокъ: онъ долженъ свободно стремиться впередъ, и если его искусственно задержать, неизбежно образуется застой и начнется разложеніе.

Передовая волна человечества, которая всегда опережает сознание остальных, чувствует это очень определенно, и мы видимъ новыя вѣянья повсюду: въ литературѣ, въ драмѣ, въ наукѣ и искусствѣ, а главное—въ тревожномъ исканіи новыхъ началъ жизни. Эта тревога—вѣстникъ *новой ступени сознания*, которая идетъ на смѣну отживающей матеріальной культуры. Признакомъ этой новой ступени будетъ *духовное сознание*, руководимое закономъ любви; въ науку оно внесетъ ученіе о духѣ, въ религію свободу, въ общественной строй взаимопомощь и братство, въ международныя отношенія общее разоруженіе и сближеніе народовъ. Время, когда это наступитъ, зависитъ не отъ внѣшнихъ событій, а отъ сознания тѣхъ, которые творять земную жизнь; и народъ, который пойдетъ во главѣ остальныхъ народовъ, будетъ тотъ, въ которомъ ранѣ другихъ пробудилось духовное сознание.

Въ эпоху внутренняго перелома, подобную нашей, когда пережитая ступень уже перестала удовлетворять общественную совѣсть, появляется всегда гениальный человекъ, который какъ въ яркомъ фокусѣ воплощаетъ въ себѣ еще смутныя, но уже зародившіяся стремленія современнаго человечества. Для нашей эпохи такимъ человекомъ является Левъ Николаевичъ Толстой. Недавно происходившее празднованье дня его рожденья показало, что онъ принадлежитъ не намъ однимъ, но и всему міру. Нѣтъ страны на землѣ, гдѣ бы его не знали и не прислушивались къ его голосу.

Въ чемъ тайна его обаянія надъ лучшими людьми всѣхъ странъ и народовъ?

Человѣчество давало не мало гениевъ; какъ яркія звѣзды зажигались они на общественномъ горизонтѣ, то обобщая въ одну стройную систему всю научную работу своего вѣка, то давая сильный толчокъ сознанию людей, то внося новыя начала въ науку и искусства. Гениальность Льва Николаевича совсѣмъ особаго свойства: изъ нея исходитъ вся сила его духовнаго творчества, въ ней—источникъ его необыкновенной жизни и небывалаго вліянія на весь міръ. „Геній совѣсти“ можно бы назвать его, опредѣляя однимъ словомъ ту роль, которую сыграло его творчество въ сознании современниковъ. Онъ будилъ совѣсть неустанно, съ потрясающей искренностью, не сдаваясь ни на какіе компромиссы, не уступая ни пяди изъ своихъ вѣрованій, не останавливаясь ни передъ какими послѣдствіями. Необычайное вліяніе Льва Николаевича и исходитъ изъ того, что онъ сосредоточилъ всю жизнь

своего духа на *цѣльной вѣрѣ*, пренебрегая и злобою дня, и современными теченьями, что онъ призывалъ—минуя условныя правды—къ *вѣчной правдѣ*, вѣря въ нее съ такой великой силой, что эта сила зажигала всѣхъ слушавшихъ его и поднимала ихъ надъ мракомъ и грѣхомъ текущей жизни. Какъ могучій благовѣсть вѣры въ неумирающую красоту человѣка звучатъ его слова: „если бы люди только поступали какъ требуетъ того сердце и разумъ, сразу бы разрѣшились всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ измученные люди всего свѣта“. Вотъ эта способность—даже среди мрака—смотрѣть не отрываясь на загорѣвшійся передъ нимъ свѣтъ и неустанно призывать къ этому свѣту и другихъ, это поглощеніе всей души безъ остатка одной великой идеей и даетъ ему такую власть надъ душой человѣка.

Нужды нѣтъ, что эта цѣльность дѣлаетъ его прямолинейнымъ и не считающимся съ духомъ времени: съ точки зрѣнія обыкновеннаго человѣка, это—недостатокъ.

Но у учителя жизни, у ясновидца новой ступени сознанія—своя особая психологія и его нельзя понять, прикладывая къ нему обыкновенную мѣрку. Его нужно брать всего, цѣликомъ, какъ собирательное духовное явленіе и не забывать, что великая вѣра должна озарять такимъ великимъ свѣтомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ временныя явленія, какъ бы они мучительны не были. Въ этомъ—причина его неуступчивости духу времени и его спокойствіе передъ цѣлыми тучами непониманія, которыя со всѣхъ сторонъ несутся на него. Когда онъ говоритъ о „религіозномъ сознаніи“, начинаютъ подводить итоги той „религіи, которая привела къ инквизиціи, къ стѣсненію свободы совѣсти и мысли“...; или когда онъ говоритъ: „не противьтесь злomu“—передъ смятеннымъ умомъ возникаетъ призракъ уступчивости и покорности, не смотря на то, что вся его жизнь была на нашихъ глазахъ сплошной борьбой съ царящимъ зломъ, мужественной и неутомимой. И если бы люди воспринимали нравственныя явленія одной логикой, между великой совѣстью Льва Николаевича и современниками раскрылась бы непреходимая бездна. Но этого нѣтъ, потому что человѣкъ воспринимаетъ не только ограниченнымъ разумомъ, но и высшимъ сознаніемъ и сердцемъ, и оно то и дѣлаетъ для насъ Льва Николаевича дорогимъ и необходимымъ, и заставляетъ весь міръ любить и почитать неутомимаго будителя совѣсти.

Идти въ уровень съ современными понятіями онъ не можетъ уже потому, что его сознаніе поднялось выше сознанія современнаго міра, и все его вниманіе устремлено на то, что другимъ еще

не видно. А ему уже видно что „новое пониманіе жизни состоитъ въ томъ, чтобы каждый человекъ подчинялся только одному высшему закону любви, который даетъ высшее благо какъ каждому отдѣльному человеку, такъ и всему человечеству. Только сознаніе людьми въ себѣ высшаго духовнаго начала и вытекающаго изъ него истиннаго человѣческаго достоинства можетъ освободить людей отъ порабощенія однихъ другими. И сознаніе это уже растетъ въ человечествѣ и всякую минуту готово проявиться *)).

Въ такое время какъ наше, когда старое уже изживается, а новое еще не выяснилось, нужна именно такая цѣльная вѣра, такой неколеблющійся свѣтъ, отъ чистой силы котораго разгоралось бы то лучшее, что уже зажглось въ глубинѣ человѣческой совѣсти, и что поднять сознаніе людей на высшую ступень.

Другъ читателя.

Прежде всего, даже прежде молитвы о душѣ своей, должно отъ всего сердца помолиться за враговъ своихъ.

(Авва Зенонъ).

Худое слово и добрыхъ дѣлаетъ худыми, а доброе слово и худыхъ дѣлаетъ добрыми.

(Св. Макарій).

Душа тому принадлежитъ, съ кѣмъ въ общеніи и единеніи она своими хотѣніями.

(Макарій Египетскій).

Какъ солнце держитъ планеты и водить ихъ за собою, такъ весь духовный міръ, стало и наши души, должны держаться Бога и водиться Имъ.

(О. Феофанъ).

---

*) Изъ статьи, напечатанной въ № 284 „Русскихъ Вѣдомостей“, 1908 г.